

Танатарова Ж.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

Zh. Tanatarova

POLITICAL PROCESS IN THE SIBERIA AT THE BEGINNING OF XX C.

This article is devoted to the political problem of Siberia at the beginning of XX century. The author on the basis of press sources is characterized discus among parties.

Установление диктатуры А. В. Колчака принципиально изменило ситуацию в лагере сибирской контрреволюции, предопределив его раскол и дальнейшее сужение эфемерной социальной базы. Вместе с тем адмирал и его окружение пытались маскировать авторитарную сущность режима лозунгами «народоправства», взятыми на вооружение у мелкобуржуазной демократии. Хотя Колчак не признавал Всероссийской Учредительное собрание законным, «ввиду неправильных условий его избрания», и 30 ноября 1918 г. приказал арестовать Комитет членов Учредительного собрания «для придания их военно-полевому суду» [1, с.34], в первом же интервью он заявил о необходимости созыва после разгрома коммунистов Национального собрания. «Я избегаю называть Национальное собрание – Учредительным собранием, - сказал Верховный правитель, - так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного собрания собралось партийное, которое запело «Интернационал» и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо» [2, 4 б.]. В феврале 1919 г., выступая в Екатеринбурге, он подчеркнул: «Я не мыслю себе будущего строя иначе, как демократическим... Народ русский является единственным хозяином своей судьбы, и когда он через своих свободно избранных представителей в Национальном собрании выразит свою волю об основных началах политического, национального и социального бытия, то и я, и Правительство, мною возглавляемое, почтет своим долгом передать ему всю полноту власти, нам ныне принадлежащей» [3, 166 б.].

Правые, прежде всего кадеты, активно использовали в своих пропагандистских целях министров, в полном составе сменивших Директорию на единоличное управление А. В. Колчака. Для укрепления авторитета верховной власти в Сибири большое значение имело преобладание в составе исполнительного органа сибиряков и лиц, тесно связанных с регионом. Таковых по состоянию на ноябрь 1918 г. по подсчетам Л. В. Некрасовой, было 75% [4, с. 17]. Немаловажное значение имело сохранение за П. В. Вологодским поста премьер-министра. Его попытка уйти в отставку после событий 18 ноября была отвергнута другими министрами, заявившими, что он «должен... остаться во

главе Совета министров, чтобы своим именем санкционировать переворот и тем сохранить за Советом министров то доверие, которым он до сих пор пользовался» [6, с.123]. Объясняя эту позицию, Г. К. Гинс говорил А. В. Колчаку: «Мы все оттого и держимся за Вологодского, что он один обладает большою известностью Сибири, восполняя недостаток большинства» [1, с. 34]. Сам же премьер оптимистически декларировал журналистам: «Сейчас я болею душой, что у нас нет представительного учреждения, и буду счастлив, когда представится первая возможность приступить к избранию Национального собрания для определения основ будущего государственного устройства России и моей родины Сибири» [6].

Идея созыва Национального собрания активно использовалась омским режимом и летом 1919 г., когда колчаковцы широко развернули военные действия против населения региона. И тем не менее на состоявшемся в середине июля совещании представителей пропагандистских органов по вопросу осведомления и подъема духа армии и населения» для развертывания контрпропаганды предложено было противопоставить коммунистической агитации «наше правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком. Осведомить красных о всех его мероприятиях в зоне освобождения России, - нужно убедить их в том, чтобы довести страну до Национального, т.е. народного, собрания.

Переворот 18 ноября внес существенные коррективы в расстановку сил контрреволюции. Открыто одобрили его и встали на путь активной поддержки колчаковской диктатуры местные кадеты. Выступая за ее укрепление, они пытались одновременно дискредитировать эсеров. «Страх за народовластие – это мощный эсеровский страх», - заявил П. И. Кусков, - страх за себя, за сохранение своего господства. Народовластием после победы союзников над Германией ровно ничего не грозит ни изнутри, ни снаружи... Буржуазия за деспотию никогда не стояла, напротив, против нее боролась» [7]. Выступая с докладом по текущему моменту на собрании красноярской организации ПНС 19 декабря 1918 г., Д. Е. Лаппо заодно прошелся по покойной Сибирской областной думе: «Мы же, кадеты, в реакции не чувствуем, мы не социалисты. По этой же причине мы не пошли так называемую Областную думу. В этом учреждении, детище социалистов, вы могли видеть проявление самой дикой реакции». На этом же собрании председатель местного комитета партии В. А. Смирнов выразил прямую поддержку диктатуре: «Мы не боимся тех форм, в которые выльется русская государствен-

ность, кем она возглавляется, мы не боимся страшных жупелов. Государство выздоравливает. Закладывается новая жизнь на началах свободы, права и справедливости» [8].

Окончательно разошлись в конце 1918 – начале 1919 г. позиции областников-автономистов. Причиной послужило их отношение к колчаковской диктатуре. И. И. Серебренников в письме из Иркутска П. В. Вологодскому от 3 марта 1919 г. охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Благодаря последним событиям областники Сибири начинают дробиться на два крыла: есть, так можно выразиться, правые и левые. Правые областники стоят на точке зрения поддержки существующего правительства, левые – находятся в оппозиции к нему и сильно «эсерствуют» и никак не могут примириться с фактом временного самоуничтожения Сибирского правительства, называя нас предателями и изменниками. К правым областникам я причисляю Г. Н. Потанина, А. В. Адрианова, Вас и себя, надеюсь, и Н. Н. Козьмина; к левым – В. М. Крутовского и Г. Б. Патушинского, который здесь мечет гром и молнии против Вас и против меня. Благодаря деятельности Курского и Жернакова, во многих городах Сибири и Дальнего Востока образовались областнические организации правого типа под наименованием местных отделов Потанинского союза областников-автономистов». В Иркутске существует областническая организация, возглавляемая Г. Б. Патушинским, - левого типа, отказавшаяся здесь даже вступить в блок с умеренными партиями и организациями, пытающимися сблокироваться наподобие омского блока.

Большая часть областников, и прежде всего Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, И. И. Серебренников, Н. Д. Буяновский, Л. И. Шумиловский и другие, безоговорочно поддержали колчаковщину и предприняли немало усилий, направленных на укрепление власти Верховного правителя. Так, А. В. Адрианов до конца оставался глашатаем откровенной реакции, проповедуя в редактируемой им «Сибирской жизни» решительную борьбу «с бунтарскими перспективами большевизма» [9]. Данная группа областников полностью прекратила разговора об автономии Сибири. Например, омские сторонники движения на собраниях 4 и 11 мая 1919 г., сетуя на то, что правительство, став всероссийским, забыло местные дела, тем не менее высказались против созыва в ближайшее время регионального законодательного собрания. «Ведь, “областничество” понадобится нам только завтра, - считали они. – Сегодня же для нас есть только одна цель – это единая великая Русь» [10].

Определенная часть областников, ориентировавшаяся ранее на эсеров, вместе с ними составила оппозицию колчаковскому режиму. Позицию данной группы выражал Вл. М. Крутовский через редактируемый им журнал «Сибирские записки». Проанализировав ситуацию в Сибири во второй половине 1918 г., он констатировал: «К сожалению, около Сибир [ского] прав[ительства] и в его толще истинных сибиряков-областников патриотов было

ничтожное число, основную массу составляли с запада, беженцы из России, для которых петербургский центр всегда был выше всего. Они смотрели на Сибирское правительство как на временную меру, и в их цели не входило укреплять правительство. Центристское течение взяло верх и одним ударом покончило с молодым областным правительством». Отсюда следовал самокритичный для областников вывод: «Мы, сибирские патриоты-областники, очутились у разбитого корыта: Сибирского правительства нет уже, покончила самоубийством Сибирская областная дума, и Сибирская автономия более не существует» [11, с. 82].

Взаимоотношения этой группы сторонников движения и колчаковской администрации наглядно демонстрирует история возглавляемого Вл. М. Крутовским Красноярского союза областников, объединявшего весной 1919 г. около 50 человек. Дело в том, что еще 10 октября 1918 г., т.е. до «окончательного расследования событий в Омске» 21-24 сентября, начальник гарнизона полковник М. И. Федорович запретил проведение собрания объединения «с обсуждением политических вопросов». Разгневанные областники обратились жалобами в Омск, вплоть до Н. Д. Авксентьева. Не получив ответа совет союза 12 декабря апеллировал к П. В. Вологодскому с прошением разрешить его деятельность и рассказом о своих мытарствах. На сей раз указания «верховой властью» были даны, и енисейский губернский комиссар 17 января 1919 г. известил местных областников: «... не встречая со своей стороны препятствий к устройству общего собрания Областного союза, я ввиду объявления города Красноярска состоящим на осадном положении, предлагаю правлению за разрешением на созыв общего собрания обратиться к начальнику гарнизона г. Красноярска, которого я вместе с ним поставлю в известность об изложенном» [12, с. 330].

Круг замкнулся, и в принципе возникла угроза существованию Союза, поскольку губернская администрация поинтересовалась, имеется ли у него устав, зарегистрированный в окружном суде. Срочно разработанный Вл. М. Крутовским и Советом организации, он не был зарегистрирован по ряду формальных положений. Лишь 4 марта общее собрание Союза обсудило и приняло злополучный устав. Для нас этот документ представляет интерес, так как характеризует позиции рассматриваемого крыла сторонников движения. Своей ближайшей целью они провозгласили активную пропаганду и распространению положения об автономном устройстве Сибири, основанного на «идее вхождения в состав всей России как федеративной единицы и при условии демократически-парламентарного образа правления в России». Конкретно для региона предполагалось добиваться Сибирского учредительного собрания, выработки и утверждения сибирской конституции, и все это посредством пропаганды среди населения идей «народовластия и демократического устройства». Примерно те же цели провозглашал в уставе, зарегистрированном в сентябре 1919 г., Иркутский гу-

бернский союз областников-автономистов во главе с Г. Б. Патушинским.

Промежуточное положение заняла третья группа областников, ориентировавшихся в основном на народных социалистов и примкнувших к рассматриваемому движению в 1917 г. (И. А. Молодых, М. П. Головачев, Н. Я. Новомбергский, Н. Н. Козьмин, А. Д. Баженов и др.). Поддерживая политику колчаковского правительства, они, тем не менее, выступали за немедленную реализацию областнических лозунгов. Их позиция изложена в «Декларации сибиряков-областников», появившейся в начале июля 1919 г. В ней уже традиционно выдвигалась претензия сторонников движения выражать интересы всех партий и объединять «всех, кто тесно связан с Сибирью и признает лишь непеременимым условием нормального развития единого и неделимого Российского государства начало децентрализации управления». Далее признавалось, что «переходной формой российской власти до окончательной победы над большевиками и до создания Национально учредительного собрания, в интересах собиранья разрозненных частей России, должна оставаться обладающая всей полнотой власти верховная государственная власть, осуществляемая Верховным правительством». Вместе с тем авторы документа находили своевременным поставить перед властью вопрос о создании сибирского областного управления с законосовещательным органом по местным вопросам. Наконец, перечислялись местные вопросы, которые должны быть решены в ближайшее время. Прежде всего, областники требовали «установления и защиты земельных прав старожилов-крестьян, казаков и инородцев, а равно хозяйственного устройства прежних переселенцев» [13]. Таким образом, они считали возможным осуществление идей своего движения в условиях колчаковской диктатуры.

Новая власть заставила национальные движения и их лидеров изменить тактику. Официально декларируемый принцип «единой и неделимой» подкреплялся заявлениями кадетов о возрождении национального самосознания русского народа, «верховенстве русской культуры как великого исторического государственно-связующего начала». Поэтому процесс национального строительства приостановился. «Колчаковское правительство воспринимало притязания национальных меньшинств как ограничение державного суверенитета. Колчаковские идеологи аргументировали непризнание культурно-национальной автономии тем, что права национальных меньшинств обеспечиваются признанием их гражданских прав. Таким образом, национальным меньшинствам отказывалось в праве на существование в виде коллектива (национального союза) И поэтому самоуправление национальных меньшинств колчаковской властью не приветствовалось», - замечает по этому поводу И. В. Нам [14, с.103].

Правительственные круги в течении всего 1919г. саботировали неоднократные обращения Центрального национального управления тюрко-

татар Внутренней России и Сибири об официальном признании его в качестве публично-правового органа культурно-национальной автономии мусульман. Подвергались репрессиям отдельные лидеры националистов. В частности, в декабре 1918 г. был арестован председатель Каракорумской управы Г. И. Гуркин. Находясь в тюрьме, он в обращении к властям сетовал: «И мне очень обидно, что народное правительство, которому я служил с такой верою и любовью, меня теперь, как преступника, держит под строжайшим надзором в тюрьме» [12, с. 340].

Эти обстоятельства обусловили отход национальных объединений от прямой поддержки контрреволюции. Их лидеры начинают поиск альтернативных вариантов автономии для своих этносов. Так, 25 февраля 1919 г. в Чите под эгидой атамана Г. М. Семенова начал работу панмонгольский съезд, принявший решение об образовании независимого федеративного «Велько-Монгольского государства», получившего название «Даурского», со своей армией. Целенаправленность данной акции один из лидеров бурятского национального движения Б. Вампилоном объяснил следующим образом: «Задачи созданий национальных войск, по-видимому, заключались в осуществлении панмонгольских идей» [12, с. 340].

Колчаковский переворот принципиально не изменил позицию коммунистов. На состоявшейся в Томске 23-24 ноября 1918 г. 2-й Сибирской (1-й Общесибирской) партийной конференции перед подпольными организациями выдвигается задача «подготовки восстания против буржуазной диктатуры в Сибири, восстания восстановления власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, восстания в целях объединения с Советской Россией». Причем его предполагалось начать через две недели. Организованные коммунистами во исполнение директивы вооруженные выступления в Омске (дважды), Томске, Канске, Иланской, Бодайбо, Енисейске, Тюмени, Кольчугино в конце 1918 – начале 1919г. завершились поражением и массовыми репрессиями против участников и вообще потенциально оппозиционных режиму социальных сил. Подобный исход объяснялся слабостью подполья, отсутствием поддержки со стороны населения, колебаниями в солдатской среде, импровизацией вместо тщательной подготовки. Так, восстание в Омске 1 февраля 1919 г. свелось к попыткам распропагандировать солдат двух полков, обстрелу и разоружению постовых милиционеров, нападению пороховые склады, разборке железнодорожных путей.

Литература:

1. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак // Колчаковщина (из белых мемуаров). Б.м., 1930.
2. Иртыш (Омск). 1918. № 40.
3. Кроль Л.А. За три года: (Воспоминания, впечатления, встречи). – Владивосток, 1921.
4. Некрасова Л.В. Российское правительство адмирала А.В. Колчака (18 ноября 1918 г.-4 января 1920 г.)//

- История «белой» Сибири: Тезисы второй науч. конф. – Кемерово, 1997.
5. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. – М., 1955.
  6. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 14 января.
  7. Кусков П. Иллюзии и действительность // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 21 декабря.
  8. Свободная Сибирь. 1918. 21 декабря.
  9. Сибирская жизнь. 1919. 25 июля.
  10. Заря. 1919. 17 мая.
  11. Сибирские записки. 1918. № 4.
  12. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. – Новосибирск, 2003.
  13. Сибирская жизнь. 1919. 9 июля.
  14. Нам И.В. Самоорганизация национальных меньшинств в Сибири в условиях революции и гражданской войны // История «белой» Сибири: Тезисы второй науч. конф. – Кемерово, 1995.
-